УДК 347.73:336.225:339.9

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Родина Анастасия Васильевна

студент 4 курса

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал).

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуются особенности и ключевые проблемы формирования правовых механизмов налогового администрирования трансграничных операций с цифровыми активами в условиях санкционного давления на российскую экономику. Автор подробно анализирует специфику юридической квалификации цифровых финансовых активов и криптовалют, а также кризис традиционных систем международного обмена фискальной информацией (CRS/CARF). В работе детально рассматриваются современные инструменты деанонимизации участников блокчейн-транзакций, специфика налогового контроля при использовании стейблкоинов во внешнеторговых расчетах и схемы параллельного импорта. Особое внимание уделено двухэтапному механизму налогообложения майнинга и правовым методам противодействия нелегальному выводу капитала за рубеж. На основе проведенного анализа предложены перспективные направления модернизации налогового контроля, включая интеграцию государственных смарт-контрактов и платформ цифровых валют центральных банков дружественных стран.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюта, стейблкоины, майнинг, цифровая валюта.

LEGAL MECHANISMS OF TAX ADMINISTRATION OF CROSS-BORDER OPERATIONS WITH DIGITAL ASSETS UNDER SANCTIONS

Anastasia Vasilievna Rodina

4th-year student

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Orenburg Institute (Branch)

Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the features and key problems of forming legal mechanisms for tax

administration of cross-border operations with digital assets under the conditions of sanctions pressure on the Russian economy. The author thoroughly analyzes the specifics of legal qualification of digital financial assets and cryptocurrencies, as well as the crisis of traditional systems of international exchange of fiscal information (CRS/CARF). The paper examines in detail modern tools for deanonymization of blockchain transaction participants, the specifics of tax control when using stablecoins in foreign trade settlements, and parallel import schemes. Special attention is paid to the two-stage mechanism of mining taxation and legal methods to counter illegal capital outflow abroad. Based on the analysis, the author proposes promising directions for tax control modernization, including the integration of state smart contracts and platforms of central bank digital currencies from friendly countries.

Keywords: digital assets, cryptocurrency, stablecoins, mining, digital currency.

Феномен цифровых активов кардинально изменил глобальную финансовую систему, создав принципиально новые вызовы для национальных налоговых ведомств. Обладая такими характеристиками, как децентрализация, высокая степень анонимности (или псевдонимности), трансграничный характер и отсутствие единого материального эмитента, цифровые финансовые активы (ЦФА), криптовалюты и стейблкоины стали удобным инструментом не только для легального инвестирования, но и для обхода классических механизмов валютного и налогового контроля [10, с. 45]. Ситуация многократно усложняется в условиях жесткого санкционного давления, когда традиционные каналы межбанковских коммуникаций (например, система SWIFT) оказываются заблокированными для отдельных государств и их резидентов [8, с. 114]. В этих реалиях цифровые активы начинают выполнять двойственную функцию-они выступают одновременно и как альтернативное средство международных расчетов, и как объект повышенного внимания со стороны фискальных органов, стремящихся не допустить размывания налоговой базы и сокрытия доходов за рубежом.

Формирование эффективного правового механизма налогового администрирования в этой сфере требует от государства баланса. С одной стороны, необходимо создать систему контроля, способную идентифицировать участников сделок и реальные объемы их доходов. С другой стороны, чрезмерное регуляторное давление может полностью заблокировать развивающиеся сегменты цифровой экономики, которые в условиях изоляции от западных финансовых институтов критически важны для поддержания внешнеторгового оборота [2, с. 89]. Налоговое администрирование в данном контексте перестает быть сугубо фискальной процедурой и превращается в элемент стратегической экономической безопасности [6, с. 201].

Прежде чем анализировать конкретные процессуальные и контрольные механизмы, необходимо определить, как именно цифровые активы квалифицируются с точки зрения

материального налогового права. В международной практике отсутствует единый подход к юридической квалификации криптовалют и ЦФА [12, с. 312]. Различные юрисдикции рассматривают их либо как имущество, либо как нематериальные активы, либо как суррогаты валюты, либо как специфический вид ценных бумаг (инвестиционные токены).

Для целей налогообложения эта квалификация имеет решающее значение. Если цифровой актив признается имуществом, то операции по его реализации порождают обязанность по исчислению налога на доходы (для физических лиц) или налога на прибыль (для организаций) на основе разницы между ценой приобретения и ценой продажи [3, с. 14]. Если же актив рассматривается как средство платежа, то возникает сложнейшая коллизия с точки зрения косвенного налогообложения. Обложение операций с цифровыми валютами налогом на добавленную стоимость (НДС) в большинстве развитых стран было признано нецелесообразным, поскольку это привело бы к двойному налогообложению (сначала при покупке самого актива, а затем при покупке товара за этот актив). В частности, Европейский суд правосудия еще в 2015 году в рамках знакового дела Hedqvist постановил, что операции по обмену традиционных валют на биткоины освобождаются от НДС [13, с. 54]. В условиях санкций российское законодательство также пошло по пути освобождения от НДС операций по реализации ЦФА и передачи прав по ним, что призвано стимулировать внутренний рынок и снизить издержки участников оборота [1].

Однако трансграничный аспект вносит существенные коррективы. Когда российский резидент приобретает цифровые активы у иностранного контрагента или реализует их на зарубежной децентрализованной площадке (DeFi), возникает вопрос определения места реализации и применимой налоговой юрисдикции [7, с. 92]. Традиционные правила привязки, такие как место нахождения имущества или место нахождения постоянно действующего исполнительного органа продавца, в децентрализованных сетях практически не работают. Смарт-контракт, исполняющий сделку, может быть распределен между тысячами узлов (нод) по всему миру, а сам продавец может использовать инструменты сокрытия IP-адреса. В связи с этим современные правовые механизмы вынуждены переносить фокус внимания с самого актива на личность налогоплательщика-резидента, вменяя ему в обязанность самостоятельное декларирование подобных транзакций под угрозой жестких санкций.

Исторически главным у налоговых органов в борьбе с трансграничным уклонением от уплаты налогов был международный обмен информацией. В рамках ОЭСР была создана и успешно функционировала Система автоматического обмена информацией о финансовых счетах (Common Reporting Standard, CRS) [9, с. 73]. Эта система позволяла налоговым органам одной страны автоматически получать данные о зарубежных банковских счетах своих резидентов от фискальных органов других государств.

Однако в условиях беспрецедентного санкционного давления эта система дала сбой. Многие недружественные государства в одностороннем порядке приостановили обмен налоговой информацией с Российской Федерацией [5, с. 18]. В результате ФНС России оказалась частично лишена традиционного и наиболее эффективного источника данных о зарубежных финансовых потоках российских граждан и компаний. Более того, классический стандарт CRS изначально не был приспособлен для сбора информации о кошельках на криптобиржах и криптодепозитариях, если они не привязаны напрямую к традиционным банковским счетам.

Осознавая этот пробел, ОЭСР разработала новый специализированный стандарт-Crypto-Asset Reporting Framework (CARF), который должен дополнить CRS и обязать криптопосредников собирать и автоматически передавать данные о пользователях [11, с. 204]. Планируется, что полноценный запуск CARF на международном уровне произойдет ближе к 2027 году. Однако очевидно, что в текущих геополитических реалиях Россия будет исключена из этого глобального контура обмена данными со стороны западных стран. Это ставит перед отечественным законодателем задачу построения автономных правовых механизмов получения информации, не зависящих от доброй воли зарубежных регуляторов [5, с. 22].

Альтернативой в данном случае выступает развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках дружественных интеграционных объединений, таких как БРИКС и ЕАЭС. Проекты по созданию единых платформ для обмена фискальными данными и мониторинга криптотранзакций внутри БРИКС сейчас активно обсуждаются на экспертном уровне. Правовой механизм такого взаимодействия предполагает заключение специальных межправительственных соглашений, которые будут регламентировать порядок направления запросов, форматы передачи данных и стандарты верификации владельцев цифровых адресов.

Поскольку рассчитывать на автоматический приток информации из-за рубежа в условиях санкций не приходится, национальное налоговое администрирование вынуждено опираться на внутренние правовые инструменты и технологии сквозного мониторинга [6, с. 209]. Основная правовая проблема здесь-деонимизация участников транзакций. Блокчейн прозрачен, в нем видна каждая транзакция от момента создания монеты до ее текущего состояния, но эта прозрачность является анонимной: вместо имен и реквизитов компаний там фигурируют лишь наборы букв и цифр-публичные ключи (адреса кошельков).

Для решения этой проблемы в российском правовом поле формируется институт обязательного декларирования владения цифровыми активами. Законодательные инициативы предусматривают обязанность резидентов информировать налоговые органы о фактах обладания цифровой валютой, если сумма транзакций за календарный год превышает определенный лимит. Непредставление таких сведений или указание недостоверных данных

влечет за собой серьезную налоговую и административную ответственность. Налоговые органы получают право использовать презумпцию: если кошелек не задекларирован, но в ходе проверочных мероприятий (например, при анализе банковских выписок по фиатным счетам) установлена его связь с конкретным лицом, все поступившие на него средства могут быть квалифицированы как скрытый доход со стопроцентным доначислением налога и пеней.

Технологической основой для реализации этих правовых норм выступают специализированные программные комплексы, такие как отечественная система «Прозрачный блокчейн», разрабатываемая при участии Росфинмониторинга [2, с. 94]. Этот инструмент позволяет агрегировать данные из множества открытых блокчейн-сетей, проводить кластерный анализ и сопоставлять анонимные адреса с реальными физическими и юридическими лицами на основе их активности на централизованных биржах (где пройдена процедура KYC-Знай своего клиента) или при конвертации криптовалюты в фиатные деньги через банковские карты. С правовой точки зрения результаты такого автоматизированного анализа не могут автоматически служить бесспорным доказательством налогового правонарушения, но они являются законным основанием для назначения углубленных камеральных или выездных налоговых проверок [4, с. 142]. Налоговые органы используют эти данные для формирования доказательственной базы, направляя плательщику требования о представлении пояснений и документов, подтверждающих источники происхождения средств на покупку цифровых активов.

Санкции кардинально изменили структуру российской внешней торговли. Блокировка корреспондентских счетов крупнейших российских банков за рубежом и отключение от SWIFT вынудили бизнес искать альтернативные пути оплаты контрактов. Одним из таких путей стало использование криптовалют (стейблкоинов типа USDT, привязанных к курсу доллара США) для оплаты параллельного импорта и расчетов с иностранными поставщиками [8, с. 119]. В течение длительного времени эта деятельность находилась в серой зоне-валютное законодательство прямо запрещало использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары и услуги, хотя на практике бизнес массово прибегал к этой схеме от безысходности.

Ситуация начала меняться с принятием законодательства об экспериментальных правовых режимах (ЭПР) в сфере цифровых инноваций. Государство было вынуждено пойти на легализацию использования цифровых валют во внешнеторговых расчетах, но исключительно в рамках строго контролируемых экспериментов под кураторством Банка России и Минфина. Правовой механизм налогового администрирования в рамках таких ЭПР имеет свои уникальные особенности.

Главный вопрос-как правильно отразить в бухгалтерском и налоговом учете операцию, при которой российская компания покупает на внутреннем рынке криптовалюту за рубли, переводит ее иностранному поставщику, а взамен получает партию оборудования [3, с. 19]. Для целей налогообложения прибыли критически важно подтвердить реальность и обоснованность таких расходов. Налоговые органы требуют от бизнеса предоставления полной цепочки документов. Это включает в себя внешнеторговый контракт, в котором прямо прописана возможность оплаты цифровыми активами, отчеты о транзакциях в блокчейне с указанием хэша транзакции (TxID), а также документы, подтверждающие курс конвертации национальной валюты в цифровой актив на момент совершения платежа. Если курс необоснованно завышен или занижен по сравнению с рыночными котировками на крупнейших мировых биржах, налоговый орган имеет право скорректировать налоговую базу, обвинив компанию в получении необоснованной налоговой выгоды.

Дополнительная сложность возникает при исчислении НДС при импорте товаров. При классическом импорте НДС уплачивается на таможне на основании таможенной декларации и платежного поручения. При использовании цифровых активов таможенная стоимость товаров должна быть пересчитана в рубли по официальному курсу ЦБ РФ на дату принятия товаров к учету. Правовые механизмы должны четко синхронизировать работу Федеральной таможенной службы (ФТС) и ФНС, чтобы не допустить расхождений в оценке стоимости ввезенного имущества.

Майнинг (добыча цифровых активов) занимает особое место в системе трансграничных операций. В условиях санкций майнинг в России превратился в мощную индустрию, поскольку страна обладает значительными профицитами электроэнергии и прохладным климатом, идеальным для размещения дата-центров [10, с. 49]. Специфика майнинга как объекта налогового администрирования заключается в том, что актив создается «из ниоткуда» на территории России, но реализуется он зачастую на зарубежных площадках, превращаясь в иностранную валюту или другие цифровые активы.

Долгое время правовой статус майнинга оставался неопределенным, что порождало массу налоговых споров. Налоговики пытались квалифицировать майнинг как предпринимательскую деятельность, облагая доходы по общей системе налогообложения, в то время как майнеры настаивали на том, что до момента продажи добытой монеты никакого экономического блага и, соответственно, дохода не возникает. Законодательное регулирование майнинга расставило правовые акценты. Был внедрен двухэтапный механизм налогообложения. Этап 1: Возникновение дохода при получении монеты. Налог исчисляется в момент зачисления добытой цифровой валюты на кошелек майнера. Доход определяется исходя из рыночной стоимости актива на дату добычи. При этом майнер имеет право уменьшить этот доход на

сумму фактически понесенных и документально подтвержденных расходов (прежде всего, на оплату электроэнергии и амортизацию майнингового оборудования). Этап 2: Реализация актива. Если майнер решает продать накопленную валюту по более высокой цене, возникает второй объект налогообложения-прибыль от прироста капитала, которая администрируется по стандартным правилам реализации имущества.

Для трансграничного аспекта ключевым является контроль за тем, куда именно уходят добытые монеты. Если майнер переводит активы на зарубежную биржу, это должно квалифицироваться как экспорт [7, с. 98]. Однако в отличие от классического экспорта нефти или металла, здесь нет физического пересечения границы и таможенного контроля. Единственный способ контроля для ФНС-это введение обязательного реестра майнеров и обязанности предоставлять отчетность обо всех используемых адресах кошельков. Правовой механизм администрирования здесь опирается на жесткие санкции: исключение из реестра за нарушения лишает майнера права на получение легальной электроэнергии по тарифам для коммерческих предприятий, что фактически уничтожает его бизнес.

В условиях экономических санкций и ограничений на движение капитала резко возрастают риски использования цифровых активов для нелегального вывода капитала за рубеж и искусственного занижения налогооблагаемой базы внутри страны [8, с. 122]. Криптовалюты позволяют реализовывать сложные схемы с участием фирм-однодневок и дружественных нерезидентов.

Типичная схема, с которой борются налоговые органы, выглядит следующим образом: российская компания заключает фиктивный договор на оказание консалтинговых или ИТ-услуг с иностранной компанией из офшорной юрисдикции. Оплата по договору производится в стейблкоинах. Российская организация уменьшает свою прибыль на сумму этих «расходов», а цифровые активы оседают на зарубежных кошельках, подконтрольных бенефициарам российского бизнеса.

Правовой механизм противодействия таким схемам базируется на концепции «необоснованной налоговой выгоды» и применении статьи 54.1 Налогового кодекса РФ. Налоговые органы при проведении проверок оценивают не только формальное соответствие документов требованиям закона, но и реальный экономический смысл операции [4, с. 147]. Если у иностранного поставщика услуг нет штата сотрудников, офиса и материальных ресурсов для оказания заявленных услуг, а транзакция в блокчейне показывает, что полученные им цифровые активы были немедленно обналичены или переведены на личные кошельки руководства российской компании, налоговый орган признает сделку ничтожной. В этом случае расходы исключаются из расчета налога на прибыль, а сама сумма перевода может быть переквалифицирована в дивиденды в адрес бенефициаров с удержанием налога у источника по

максимальной ставке.

Другим важным аспектом является контроль за трансфертным ценообразованием (ТЦО). Когда цифровые активы передаются между взаимозависимыми лицами (например, между материнской российской компанией и ее зарубежной дочерней структурой), цена сделки должна соответствовать рыночному уровню [3, с. 22]. Однако волатильность крипторынка настолько высока, что определение «рыночной цены» на конкретную минуту конкретного дня представляет собой сложнейшую правовую и математическую задачу. Налоговое администрирование в данном случае требует разработки четких методических рекомендаций, закрепляющих перечень легитимных информационных источников (котировок крупнейших бирж, таких как Binance, OKX или специализированных агрегаторов вроде CoinMarketCap), на которые могут ссылаться как налогоплательщики, так и инспекторы.

Очевидно, что действующие механизмы налогового администрирования трансграничных операций с цифровыми активами находятся в стадии активного формирования и требуют глубокой модернизации. Главный вектор развития-это переход от заявительного и карательного контроля к превентивному технологическому надзору [6, с. 215].

Важнейшим шагом в этом направлении станет полноценное внедрение цифрового рубля и его интеграция с платформами цифровых валют других центральных банков (в первую очередь, цифрового юаня). Цифровой рубль, являясь третьей формой национальной валюты, сочетает в себе свойства фиатных денег и цифровых активов. Каждая монета имеет уникальный цифровой код, что позволяет регулятору видеть всю историю ее перемещений в режиме реального времени. Когда будут запущены механизмы трансграничных расчетов между ЦБ дружественных стран на основе национальных цифровых валют, необходимость в классическом налоговом контроле таких сделок во многом отпадет. Система сможет автоматически идентифицировать участников сделки, проверять соответствие контракта установленным лимитам и даже автоматически удерживать налоги в момент совершения платежа с помощью встроенных государственных смарт-контрактов.

Кроме того, назрела необходимость создания института специализированных налоговых агентов в сфере криптоиндустрии. На эту роль идеально подходят легальные российские криптобиржи и обменные площадки, создание которых предусмотрено в рамках регулирования. Возложение на них обязанностей по исчислению, удержанию и перечислению налогов с доходов их клиентов физических и юридических лиц позволит кардинально снизить нагрузку на налоговые органы и повысить собираемость налогов [2, с. 99]. Плательщику больше не нужно будет самостоятельно собирать хэши транзакций и высчитывать курсовую разницу-платформа будет предоставлять ему готовую налоговую декларацию или списывать налог автоматически при выводе средств в фиатную систему.

В условиях санкций и глобальной дефрагментации мировой финансовой системы налоговое администрирование трансграничных операций с цифровыми активами должно стать гибким, технологичным и адаптивным. Государство должно отказаться от попыток тотального запрета цифровых технологий, сфокусировавшись на создании прозрачной и понятной правовой среды, где честный бизнес может использовать преимущества цифровых активов для преодоления санкционных барьеров, а бюджет гарантированно получает положенные ему доходы.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
2. Артемьев А.А. Цифровая экономика и налоговый контроль: новые инструменты фискального мониторинга. – М.: Юридическая литература, 2024. – 245 с.
3. Васильев И.В., Семенова Е.Н. Особенности налогообложения прибыли организаций при сделках с цифровыми финансовыми активами // Налоговая политика и практика. – 2025. – № 4. – С. 12–25.
4. Дмитриев К.С. Методика доказывания налоговых правонарушений в сфере децентрализованных финансов // Вестник налогового права. – 2025. – № 2. – С. 138–151.
5. Ковалева М.В. Кризис международного обмена налоговой информацией в эпоху геополитических ограничений // Финансовое право. – 2024. – № 9. – С. 16–24.
6. Пономарев А.И. Налоговое администрирование в эпоху цифровизации: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Магистр, 2023. – 312 с.
7. Смирнов А.А., Кузнецов П.В. Трансграничные блокчейн-операции: коллизионные и фискальные аспекты // Закон и право. – 2024. – № 11. – С. 90–102.
8. Чернов Д.А. Внешнеторговые расчеты в условиях санкций: от SWIFT к стейблкоинам // Мировая экономика через призму времени. – 2025. – № 1. – С. 111–126.
9. Яковлев Е.П. Международные стандарты прозрачности финансовых рынков. – М.: Международные отношения, 2022. – 185 с.
10. Crypto-Assets and Fiscal Security: Challenges for Modern Tax Law / Ed. by R. Mason. – London: Academic Press, 2024. – 198 p.
11. Gordon J., Smith L. Crypto-Asset Reporting Framework (CARF) as a New Global Standard for Tax Transparency // Journal of International Tax Law. – 2023. – Vol. 14, No. 3. – P. 201–215.
12. Owens J. Taxation of Virtual Currencies: Property or Cash? // European Tax Review. – 2023. – Vol. 61, No. 5. – P. 310–319.
13. Weber R. VAT treatment of digital tokens: Lessons from the European Court of Justice //

World Tax Journal. – 2024. – No. 2. – P. 50–65.